

ҚҰҚЫҚ ҚОРҒАУ ЖӘНЕ БАСҚА МЕМЛЕКЕТТІК ОРГАНДАР ҚЫЗМЕТІ / ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ И ИНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ / THE ACTIVITIES OF LAW ENFORCEMENT AND OTHER GOVERNMENT AGENCIES

УДК 343.102:351.745.7

МРНТИ 10.71.43

А.К. Искаков¹, А.Д. Таженов²

¹Карагандинская академия Министерства внутренних дел Республики Казахстан имени Б. Бейсенова,
г. Караганда, Республика Казахстан

²Костанайская академия Министерства внутренних дел Республики Казахстан имени Ш. Кабылбаева,
г. Костанай, Республика Казахстан

МЕСТО И РОЛЬ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СИСТЕМЕ ПРАВОВЫХ НАУК

Аннотация. В статье рассматривается теоретический статус оперативно-розыскной деятельности, остающийся предметом научной полемики. Цель исследования – анализ ее правовой природы и обоснование статуса самостоятельной отрасли права. На основе формально-юридического анализа исследуется дуализм, закрепленный в Законе Республики Казахстан «Об оперативно-розыскной деятельности» и институте негласных следственных действий. Рассмотрены основные научные позиции – от признания подотраслью уголовного процесса до утверждения ее отраслевой самостоятельности.

Авторы аргументируют необходимость выделения оперативно-розыскного права в самостоятельную отрасль, опираясь на специфический предмет, комплексный метод и практические вызовы цифровизации. Определены шесть ключевых функций теории: доктринально-регулятивная, методологическая, интегративная, прогностическая, охранительная и институционально-развивающая. Сделан вывод о том, что отраслевое оформление оперативно-розыскной деятельности необходимо для укрепления законности, повышения эффективности борьбы с преступностью и развития юридической науки.

Ключевые слова: отрасль права; теория; правовое регулирование; латентная преступность; цифровизация; публичное право.

А.Қ. Исқақов¹, А.Д. Тәженов²

¹Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігінің Б. Бейсенов атындағы Қарағанды академиясы,
Қарағанды қ., Қазақстан Республикасы

²Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігінің Ш. Кабылбаев атындағы Қостанай академиясы,
Қостанай қ., Қазақстан Республикасы

ҚҰҚЫҚТЫҚ ҒЫЛЫМДАР ЖҮЙЕСІНДЕГІ ЖЕДЕЛ-ІЗДЕСТІРУ ҚЫЗМЕТІНІҢ ОРНЫ МЕН РӨЛІ

Аннотация. Мақалада ғылыми пікірталас пәні болып қала берудегі жедел іздегіру қызметінің теориялық мәртебесі қарастырылады. Зерттеудің мақсаты – оның құқықтық табиғатын талдау және құқықтың дербес саласы ретіндегі мәртебесін негіздеу. Ресми-құқықтық талдау негізінде ҚР «Жедел іздегіру қызметі туралы» Заңында және жасырын тергеу әрекеттері институтында бекітілген дуализм зерттеледі. Оның қылмыстық процесс саласының кіші саласы ретінде танылуынан бастап, оның дербес салалық мәртебесін мойындауға дейінгі негізгі ғылыми көзқарастар қарастырылады.

Авторлар жедел іздегіру құқығын дербес сала ретінде бөліп шығару қажеттілігін оның ерекше пәні, кешенді әдісі және цифрландырудың практикалық қиындықтарына сүйене отырып дәлелдейді. Теорияның алты негізгі функциясы анықталады: доктриналық-реттеушілік, әдістемелік, интегративті, болжамдық, қорғаныштық және институционалды-дамытушылық. Жедел іздегіру қызметінің салалық реттелуі

заңдылықты нығайтуға, қылмыскерлікпен күрес тиімділігін арттыруға және құқықтық ғылымды дамытуға қажеттілігі туралы қорытынды жасалды.

Түйінді сөздер: құқық саласы; теория; құқықтық реттеу; жасырын қылмыстылық; цифрландыру; жария құқық.

A.K. Iskakov¹, A.D. Tazhenov²

¹*Karaganda Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after B. Beysenov, Karaganda, the Republic of Kazakhstan*

²*Kostanay Academy of the Ministry of Internal Affairs the Republic of Kazakhstan named after Sh. Kabylbayev, Kostanay, the Republic of Kazakhstan*

THE PLACE AND ROLE OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES IN THE SYSTEM OF LEGAL SCIENCES

Abstract. The article examines the theoretical status of operational-search activity, which remains a subject of scientific debate. The purpose of the study is to analyze its legal nature and substantiate its status as an independent branch of law. Based on a formal legal analysis, the duality enshrined in the Law of the Republic of Kazakhstan “On Operational-Search Activity” and the institute of covert investigative actions is examined. The main scientific positions are considered – from recognizing it as a sub-branch of criminal procedure to asserting its independent branch status.

The authors argue for the necessity of distinguishing operational-search law as an independent branch, relying on its specific subject, complex method, and the practical challenges of digitalization. Six key functions of the theory are identified: doctrinal-regulatory, methodological, integrative, prognostic, protective, and institutional-developmental. It is concluded that the branch-based formalization of operational-search activity is necessary to strengthen legality, increase the effectiveness of the fight against crime, and develop legal science.

Keywords: branch of law; theory; legal regulation; latent crime; digitalization; public law.

DOI: 10.52425/25187252_2026_39_172

Введение. Оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД) – это мощная, законодательно закреплённая государственная практика с глубокой историей, но её теоретический статус в системе юридических наук остаётся периферийным и спорным. Она «прикладная», «ведомственная», «секретная» – и поэтому её системный вклад недооценён.

По мнению Д.Г. Вострикова и А.С. Корнева, ОРД представляет собой специфическое научное знание, находящееся на стыке теории и ведомственной практики. Несмотря на наличие собственного законодательного акта, её статус как самостоятельной отрасли права остаётся дискуссионным ввиду недостаточной разработанности предмета и метода правового регулирования. Эта теоретическая «недооформлённость» напрямую влияет на эффективность

закона и порождает правоприменительные проблемы, в конечном счёте, снижая уровень защищённости общества. Следовательно, укрепление теоретического фундамента ОРД является ключевым условием для её полноценной интеграции в систему юридических наук и повышения результативности борьбы с преступностью [1].

Мы, в свою очередь, также задаёмся дискуссионным вопросом о том, является ли наука ОРД самостоятельной отраслью права. С одной стороны, наличие специального Закона Республики Казахстан (далее – РК) «Об оперативно-розыскной деятельности»¹ служит весомым аргументом в пользу такого статуса. С другой – отсутствие «оперативно-розыскного права» в общепризнанных классификациях отраслей права ставит эту самостоятельность под сомнение.

¹ Об оперативно-розыскной деятельности: закон Республики Казахстан от 15 сент. 1994 г. № 154-ХІІІ [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z940004000_ (дата обращения: 03.02.2026).

Материалы и методы. Методологию исследования образуют формально-юридический и системный анализ норм, регулирующих ОРД.

Центральными объектами анализа выступили Закон РК «Об оперативно-розыскной деятельности» (в особенности ст. 10)² и институт негласных следственных действий. В дискуссии о правовой природе ОРД рассматриваются позиции ведущих ученых: от отрицания самостоятельности [2] и концепции подотрасли [3] до обоснования отдельной отрасли права [4], а также работы, фиксирующие ее парадоксальный статус [5] и прикладной характер [1].

Результаты, обсуждение. Ключевым аспектом в определении правовой природы ОРД является анализ отраслевой принадлежности норм, регламентирующих проведение оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ). Решение этого вопроса осложняется смешанным (дуалистическим) характером оснований для проведения ОРМ, закрепленных в статье 10 Закона РК «Об оперативно-розыскной деятельности».

Значительная часть оснований, перечисленных в пункте 1 статьи 10, непосредственно и системно связана с уголовным судопроизводством и задачами уголовного преследования (ст. 2 Закона). К ним относятся:

- наличие материалов досудебного расследования (пп. «а» п. 1);
- информация о правонарушении или о лицах, скрывающихся от органов уголовного преследования и суда (п. 1, б);
- письменные поручения следователя и судебные акты о розыске (пп. «в», «в-2» п. 1).

Нормы, регулирующие ОРМ на этих основаниях, по своей сути опосредуют уголовно-процессуальные правоотношения на досудебной стадии, обеспечивая сбор информации для будущего или текущего уголовного дела. Этот тезисполучает прямое законодательное подтверждение с момента включения в Уголовно-процессуальный кодекс РК института негласных следственных

действий (далее – НСД), что является актом целенаправленной процессуализации ключевых элементов ОРД. Данный факт позволяет рассматривать соответствующие положения Закона «Об ОРД» как специальную часть (институт) уголовно-процессуального права, регулиющую его исключительную, негласную процедуру.

Однако статья 10 содержит и основания, выходящие за рамки традиционных задач уголовного процесса и уголовного преследования. К ним, в частности, относятся: необходимость получения разведывательной информации в интересах государства (пп. «д» п. 1); сбор данных для допуска к работам на объектах, представляющих экологическую опасность, или для лицензирования охранной деятельности (п. 2)³.

Нормы, регулирующие ОРМ на этих основаниях, реализуют превентивно-административную и разведывательно-оперативную функцию, направленную на обеспечение безопасности в широком смысле, и тяготеют к сфере административно-публичного права или формируют особый оперативно-розыскной правовой режим.

Таким образом, институт ОРМ, сконструированный в статье 10 Закона, оказывается на стыке двух правовых режимов: уголовно-процессуального (превалирующего и подтвержденного включением НСД в УПК РК) и публично-правового (административно-охранительного и разведывательного).

Вопрос об отраслевой принадлежности норм об ОРМ не имеет однозначного ответа в силу их комплексного характера, заданного исчерпывающим, но разнородным перечнем оснований в статье 10. Однако доминирующий вектор, подтвержденный законодательной процессуализацией ОРД через институт НСД, указывает, что наиболее социально и юридически значимый блок этих норм (связанный с доказыванием по уголовным делам) является специфическим институтом уголовно-процессуального права. Сохраняющаяся же превентивно-административная функция свидетельствует о его тесной связи со сферой публично-

² Об оперативно-розыскной деятельности: закон Республики Казахстан от 15 сент. 1994 г. № 154-ХІІІ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z940004000> (дата обращения: 03.02.2026).

³ Там же.

правового обеспечения безопасности, что не отменяет его процессуального ядра, но указывает на комплексность регулирования.

А.В. Серов, резюмируя свою позицию, указывает на отсутствие у оперативно-розыскного права статуса самостоятельной отрасли, квалифицируя его как комплексное образование в системе законодательства. При этом он считает целесообразным перенос регламентации ОРМ и их результатов в плоскость уголовно-процессуального права [2].

Анализируя тенденции развития оперативно-розыскного права, В.И. Шаров приходит к выводу о неизбежном оформлении его в качестве подотрасли уголовно-процессуального права. Основой для этого, по его мнению, должно стать четкое разделение единой ОРД на правовую (аналог уголовного процесса) и организационно-тактическую (аналог криминалистики). Такой подход, при котором процессуальная часть «должна быть более тщательно расписана» в законе, а тактическая – делегирована подзаконным актам, оценивается автором как наиболее перспективный путь систематизации регулирования [3].

В противовес идеям процессуализации существует позиция, отстаивающая статус ОРД как отдельной отрасли права. Ее адепты, в частности С.И. Давыдов и А.П. Пинчук, делают акцент на классических критериях отрасли. Авторы утверждают: «Предмет оперативно-розыскного права включает в себя структурные элементы, каждый из которых отличается уникальностью». По их мнению, наличие такого специфического предмета является достаточным основанием для признания самостоятельности, в то время как метод лишь дополнительно индивидуализирует отрасль [4].

Суть методологической проблемы ОРД была лаконично сформулирована С.В. Степашиным, который обратил внимание на парадокс: несмотря на то что «оперативно-розыскная деятельность – это правовая деятельность государственных органов», обладающая всеми атрибутами правового регулирования (субъекты, объекты, методы, права и обязанности), для

нее «фактически не определено место ни в одной из классификационных групп отраслей права» [5].

Зарубежный опыт, прежде всего стран общего права, в полной мере не применим для анализа ОРД в Казахстане, однако его упоминание методологически важно. Он демонстрирует принципиально иной подход, где аналогичная по целям деятельность (например, детективная работа в США) лишена самостоятельного правового статуса и рассматривается как часть уголовного процесса. [6]; [7]. А сама модель легального сосуществования частного и государственного сыска представляет собой иную, процессуально-ориентированную форму детективной деятельности [8].

В отличие от зарубежной «следственно-центричной» модели, где негласные методы служат дополнением к уголовному процессу [9], ОРД в системе СНГ представляет собой самостоятельную, опережающую и превентивную форму государственной активности, что подтверждает необходимость ее отраслевого обособления. Таким образом, опыт этих стран может быть полезен лишь в отдельных аспектах, таких как детализация судебного контроля за отдельными следственными действиями или защита прав граждан при проведении расследований, но не как парадигма для построения целостной отрасли оперативно-розыскного права.

Проведенный анализ позволяет авторам настоящего исследования занять определенную позицию в длительной доктринальной дискуссии. Считаем обоснованным и необходимым признание оперативно-розыскного права в качестве самостоятельной отрасли в системе отечественного права. Данный вывод базируется на следующих аргументах.

1. Наличие специфического и целостного предмета правового регулирования. Предметом регулирования будущей отрасли являются общественные отношения, возникающие в процессе выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, а также устранения угроз безопасности с применением специальных (гласных и негласных) сил, средств и методов

уполномоченными государственными органами. Этот предмет обладает уникальной комплексностью, включая:

- организационно-управленческие отношения (создание оперативных аппаратов, планирование);
- правоохранительные (предикативные) отношения по добыванию информации о латентных угрозах;
- процедурно-гарантийные отношения (судебный контроль, прокурорский надзор за проведением ОРМ);
- межотраслевые связи с уголовным процессом (использование результатов) и административным правом (меры безопасности). Именно эта синтетическая природа, не укладывающаяся полностью в рамки ни одной существующей отрасли, и свидетельствует о необходимости выделения нового предмета.

2. Требование адекватного и специфического метода правового регулирования. Для регулирования столь сложной сферы необходим комплексный метод, сочетающий в себе:

- императивное начало (властные предписания органам, обязательность решений суда о санкционировании);
- диспозитивный (дозволительный) элемент в выборе тактических решений и оперативных комбинаций в рамках закона;
- систему особых правовых режимов (конспирации, защиты информации, социально-правовой защиты участников). Такой синтез методов не является простой суммой методов уголовного процесса и административного права, а представляет собой новое качество, адекватное природе ОРД.

3. Системообразующая функция и практическая необходимость. Преодоление правового вакуума: множество отношений в ОРД (этика конфиденциального сотрудничества, применение цифровых технологий и ИИ) остается в «серой зоне» между уголовным процессом и ведомственными инструкциями. Самостоятельная отрасль позволит последовательно урегулировать их на уровне закона.

Повышение уровня гарантий: выделение отрасли позволит сформировать целостную систему отраслевых принципов (конспирации, сочетания гласных и негласных методов, вне процессуальной охраны прав граждан), что усилит правовые гарантии по сравнению с фрагментарным регулированием.

Ответ на современные вызовы: цифровизация, киберпреступность, использование искусственного интеллекта требуют специального, гибкого и технологически подкованного правового регулирования, которое не может быть эффективно «втиснуто» в жесткие рамки УПК, изначально созданного для иных целей.

4. Наличие и систематизация собственного нормативного массива. Закон «Об ОРД» уже выполняет роль базового (кодифицированного) акта будущей отрасли, определяющего ее задачи, принципы, субъекты, мероприятия, контроль и надзор. Вокруг него формируется массив подзаконных актов и судебной практики. Задача науки – не отрицать этот факт, а доктринально оформить и систематизировать данный массив в единую отрасль.

Таким образом, теория ОРД не может рассматриваться как вспомогательная или сугубо прикладная область знания. Она занимает стратегически важное положение в системе современных юридических наук, выполняя взаимосвязанные и уникальные функции:

Первая функция – доктринально-регулятивная (медиаторская): формирование правового «моста» между формальным правом и фактической правоохранительной практикой.

В отличие от уголовного процесса, предметом которого является нормативно закреплённая, гласная и формализованная деятельность государства после возбуждения уголовного дела, ОРД охватывает негласную, инициативную и во многом предварительную сферу противодействия преступности. Именно в этой сфере осуществляется первичное выявление преступных проявлений, формирование информации о латентных угрозах и принятие управленческих решений до начала процессуальной стадии.

Теория ОРД выполняет уникальную функцию научного осмысления и легитимации данной «пограничной» зоны правового регулирования, где государственное вмешательство в сферу прав и свобод личности осуществляется вне рамок классического уголовного процесса, но при этом требует строгой правовой обусловленности. Она отвечает на принципиальный вопрос: каким образом право может и должно регулировать деятельность, которая по своей природе является скрытой от публичного контроля. Отсутствие такого доктринального «моста» неизбежно приводит к разрыву между законом и реальной практикой противодействия организованной и латентной преступности, подрывая как эффективность, так и легитимность правоохранительной деятельности.

Вторая функция – методологическая: теория ОРД как экспериментальная площадка взаимодействия права и технологий.

Исторически ОРД первой воспринимает и апробирует технические и технологические новации – от специальных средств наблюдения до автоматизированных информационно-поисковых систем. В современных условиях это проявляется в использовании больших массивов данных, алгоритмических методов анализа и возможности применения элементов искусственного интеллекта и цифрового мониторинга.

В данном контексте теория ОРД приобретает значение своеобразного «раннего индикатора» будущих правовых проблем, которые лишь впоследствии станут предметом уголовного процесса, криминалистики и конституционного права. Именно здесь впервые формулируются и требуют научного разрешения вопросы допустимости алгоритмического принятия решений, границ цифровой приватности, юридической ответственности за автоматизированные выводы и этики оперативного профилирования. Тем самым теория ОРД выступает методологическим полигоном для всей юридической науки, обеспечивая опережающее правовое осмысление технологических вызовов.

Третья функция – интегративная:

синтез междисциплинарного знания для решения сверхсложных задач обеспечения безопасности.

Предмет теории ОРД носит системный и многослойный характер, объединяя анализ преступности как социального явления (криминология), организационно-управленческие и тактические аспекты деятельности (теория управления и тактика), а также нормативно-правовые основы и пределы вмешательства государства (публичное и уголовное право). В этом смысле теория ОРД не является простым «гибридом» смежных дисциплин, а представляет собой самостоятельную синтетическую науку, ориентированную на решение комплексных, трудно формализуемых задач.

Интегрируя данные криминологии о латентной преступности, криминалистики – о методах выявления и раскрытия преступлений, административного права – о механизмах государственного управления, а также философии и этики права – о соотношении безопасности и свободы, теория ОРД выполняет функцию системного координатора в правовом комплексе. Ее конечной целью является выработка научно обоснованных моделей законного противодействия неочевидным, динамичным и высокоорганизованным угрозам.

Четвертая функция – прогностическая (превентивно-аналитическая).

Теория ОРД выполняет важную прогностическую функцию, заключающуюся в научном предвидении трансформации преступности и соответствующей адаптации форм и методов противодействия. В отличие от уголовного процесса, который по своей природе реактивен и ориентирован на уже совершенное преступление, ОРД носит опережающий характер, что предопределяет необходимость теоретического моделирования будущих угроз, в т.ч. в сфере организованной, транснациональной, террористической и киберпреступности. Теория ОРД позволяет выявлять закономерности эволюции преступных практик, прогнозировать появление новых криминальных технологий и разрабатывать научно обоснованные превентивные механизмы, что придает ей особое значение

в системе обеспечения национальной безопасности.

Пятая функция – охранительно-правовая (гарантийная).

Несмотря на устойчивое восприятие ОРД как сферы повышенного риска для прав и свобод личности, именно теория ОРД формирует научные критерии допустимости, соразмерности и правовой обоснованности оперативного вмешательства. В этом аспекте она выполняет охранительно-правовую функцию, направленную на предотвращение произвольного расширения дискреции оперативных подразделений. Теоретическое осмысление принципов законности, необходимости, минимальной достаточности и целевого использования ОРМ позволяет выработать доктринальные ограничения, обеспечивающие баланс между публичными интересами безопасности и конституционными правами человека. Тем самым теория ОРД выступает не только инструментом повышения эффективности, но и механизмом правовой защиты личности.

Шестая функция – институционально-развивающая.

Теория ОРД оказывает непосредственное влияние на эволюцию законодательства и правоприменительной практики, формируя концептуальные основы реформирования ОРД как правового института. Через научную критику действующих норм, выявление пробелов и противоречий, а также разработку авторских дефиниций и моделей правового регулирования она способствует институциональному развитию ОРД, в т.ч. уточнению ее целей, задач и функций. В этом контексте особое значение приобретает обоснование необходимости сохранения и нормативного закрепления такой ключевой функции ОРД, как раскрытие преступлений, без которой

оперативно-розыскная деятельность утрачивает свой системообразующий характер и превращается в вспомогательный информационный механизм.

Заключение. Таким образом, оперативно-розыскная деятельность не является «пасынком» уголовного процесса или придатком административного права. Это сложный, автономный вид государственной правоохранительной деятельности, который созрел для собственного отраслевого оформления. Признание оперативно-розыскного права самостоятельной отраслью – это не формальность, а шаг к укреплению законности, повышению эффективности борьбы с преступностью и созданию надежных правовых барьеров против произвола в одной из наиболее деликатных сфер государственной деятельности. Это придаст всей системе регулирования ОРД недостающую системность, полноту и концептуальную ясность.

Считаем актуальным продолжение исследований в данном направлении и формулирование авторского определения оперативно-розыскного права. Под ним следует понимать самостоятельную комплексную отрасль публичного права, представляющую собой систему правовых норм, принципов и доктринальных положений, регулирующих организацию, содержание, методы и пределы гласной и негласной деятельности уполномоченных государственных органов по выявлению, предупреждению и раскрытию преступлений, розыску лиц и установлению юридически значимых обстоятельств, осуществляемой в интересах обеспечения общественной и национальной безопасности и основанной на соразмерном ограничении прав и свобод личности в рамках конституционных гарантий.

Список использованной литературы:

1. Востриков, Д.Г. Понятие оперативно-розыскной деятельности как науки, отрасли права [Электронный ресурс] / Д.Г. Востриков, А.С. Корнев // Научный Лидер. – 2024. – № 36 (186). – Режим доступа: <https://scilead.ru/article/7049-ponyatie-operativno-rozisknoj-deyatelnosti-ka> (дата обращения: 03.02.2026).
2. Серов, А.В. Оперативно-розыскное право и оперативно-розыскное законодательство / А.В. Серов // Научный портал МВД России. – 2021. – № 2 (54). – С. 94-100.
3. Шаров, В.И. Оперативно-розыскное и уголовно-процессуальное право / В.И. Шаров

// Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2025. – № 2 (70). – С. 209-213.

4. Давыдов, С.И. О критериях выделения самостоятельной отрасли оперативно-розыскного права / С.И. Давыдов, А.П. Пинчук // Труды Академии управления МВД России. – 2020. – № 3 (55). – С. 10-18.

5. Основы оперативно-розыскной деятельности: учебник; под ред. С.В. Степашина. – Серия «Учебники для вузов. Специальная литература». – СПб., 1999. – 300 с.

6. Taylor, A. Caseloads, culture, and capacity: rethinking investigative practice advice on core investigative doctrine / A. Taylor, R. Williams // Policing and Society. – 2025. – Vol. 35. No. 2. – Pp. 215-232.

7. Kaplina, O. Standards for Ensuring the Legality of Covert Activities in Criminal Proceedings / O. Kaplina, A. Tumanyants, I. Krytska // Revista de Estudos Criminais e Jurídicos. – 2023. – Vol. 12. No. 3. – Pp. 89-104.

8. Шаяхметов, Ш.Ш. Нужен ли закон о частной детективной деятельности в Казахстане: за и против / Ш.Ш. Шаяхметов // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2025. – № 3 (37). – С. 165-172.

9. Cherniavskiy, S. The forms of international co-operation in the area of undercover investigations / S. Cherniavskiy, S. Hlushchenko, O. Shapovalova // Academy of Criminal Justice Sciences Journal. – 2023. – Vol. 18. No. 1. – Pp. 45-59.

References:

1. Vostrikov, D.G. Ponjatie operativno-rozysknoj dejatel'nosti kak nauki, otrasli prava [Jelektronnyj resurs] / D.G. Vostrikov, A.S. Kornev // Nauchnyj Lider. – 2024. – № 36 (186). – Rezhim dostupa: <https://scilead.ru/article/7049-ponyatie-operativno-rozisknoj-deyatelnosti-ka> (data obrashheniya: 03.02.2026).

2. Serov, A.V. Operativno-rozysknoe pravo i operativno-rozysknoe zakonodatel'stvo / A.V. Serov // Nauchnyj portal MVD Rossii. – 2021. – № 2 (54). – S. 94-100.

3. Sharov, V.I. Operativno-rozysknoe i ugolovno-processual'noe pravo / V.I. Sharov // Juridicheskaja nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. – 2025. – № 2 (70). – S. 209-213.

4. Davydov, S.I. O kriterijah vydelenija samostojatel'noj otrasli operativno-rozysknogo prava / S.I. Davydov, A.P. Pinchuk // Trudy Akademii upravlenija MVD Rossii. – 2020. – № 3 (55). – S. 10-18.

5. Osnovy operativno-rozysknoj dejatel'nosti: uchebnik; pod red. S.V. Stepashina. – Serija «Uchebniki dlja vuzov. Special'naja literatura». – SPb., 1999. – 300 s.

6. Taylor, A. Caseloads, culture, and capacity: rethinking investigative practice advice on core investigative doctrine / A. Taylor, R. Williams // Policing and Society. – 2025. – Vol. 35. No. 2. – Pp. 215-232.

7. Kaplina, O. Standards for Ensuring the Legality of Covert Activities in Criminal Proceedings / O. Kaplina, A. Tumanyants, I. Krytska // Revista de Estudos Criminais e Jurídicos. – 2023. – Vol. 12. No. 3. – Pp. 89-104.

8. Shajahmetov, Sh.Sh. Nuzhen li zakon o chastnoj detektivnoj dejatel'nosti v Kazahstane: za i protiv / Sh.Sh. Shajahmetov // Құқық қорғау органдары академиясының Жаршысы. – 2025. – № 3 (37). – S. 165-172.

9. Cherniavskiy, S. The forms of international co-operation in the area of undercover investigations / S. Cherniavskiy, S. Hlushchenko, O. Shapovalova // Academy of Criminal Justice Sciences Journal. – 2023. – Vol. 18. No. 1. – Pp. 45-59.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Асет Қабдылхамитұлы Исқақов – Б. Бейсенов атындағы Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігінің Қарағанды академиясының жедел-іздістіру қызметі кафедрасының бастығы, философия докторы (PhD), e-mail: asetasset100@gmail.com.

Искаков Асет Кабдылхамитович – начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности Карагандинской академии Министерства внутренних дел Республики Казахстан имени Б. Бейсенова, доктор философии (PhD), e-mail: asetasset100@gmail.com.

Asset Kabdylhamitovich Iskakov – Head of the Department of Operational Investigative Activities of the Karaganda Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after B. Beisenov, PhD, e-mail: asetasset100@gmail.com.

Асқар Дәулетханұлы Тәженов – Ш. Қабылбаев атындағы Қазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігінің Қостанай академиясының әкімшілік-құқықтық пәндер кафедрасының доценті, философия докторы (PhD), e-mail: a.tazhenov@mvd.gov.kz.

Таженов Аскар Даулетханович – доцент кафедры административно-правовых дисциплин Костанайской академии Министерства внутренних дел Республики Казахстан имени Ш. Кабылбаева, доктор философии (PhD), e-mail: a.tazhenov@mvd.gov.kz.

Tazhenov Askar Dauletkhanovich – Associate Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Kostanay Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after Sh. Kabylbayev, PhD, e-mail: a.tazhenov@mvd.gov.kz.